

ЧУЖОЙ ХЛЕБ

*Источник текста: А. Н. Анненская. Чужой хлеб: повести: М., ЭНАС, 2009.
Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера.*

Глава I

АЛЕНУШКА

На крутом берегу маленькой, но светлой и быстрой речки лепилась бедная деревушка, состоявшая всего из какой-нибудь дюжины домиков. Домики эти, полуразвалившиеся, почернелые от времени, грустно смотрели на мир Божий своими крошечными окошечками, часто вместо стекол заткнутыми бумагой. Еще летом, когда кругом все зеленело, когда с одной стороны откос берега покрывался мягким ковром свежей травы, а с другой виднелись поля с молодыми всходами хлебов, деревенька могла показаться довольно сносною. Но зимой, когда все кругом было завалено снегом, когда самые домики казались до половины зарытыми в нем, - зимой, вероятно, мало кому пришла бы охота поселиться здесь. Внутренность этих домиков вполне соответствовала их наружности: они были темны, грязны, с закоптелыми стенами и потолками, по большей части без труб; летом в них было темно и душно, зимой дуло из щелей. Непривычный человек не выжил бы здесь и недели; но хозяева привыкли к своим жилищам, они, конечно, не прочь бы выстроить дома попросторней и почище, проделать большие окна, вывести красивые печи, да ведь на все это нужны деньги, а откуда их взять, когда земля песчаная, хлеба родит немного, ни фабрик, ни заводов, где бы можно заработать лишний рубль, поблизости нет.

В одной из изб, едва ли не самой бедной и ветхой, около окна на скамейке сидела девочка лет восьми. Она держала на коленях толстый холстинный мешок, а в руках - иголку с ниткою. Вероятно, ей следовало шить, но на самом деле работа мало занимала ее. Она заглядывала в окно, через которое виднелась толпа деревенских ребятишек, собравшихся играть на берегу речки, и беспрестанно повторяла однообразным, заунывным голосом.

- Баба, пусти меня поиграть с ребятками!

Эта просьба, повторенная несколько раз, видимо надоела наконец старухе, копошившейся около печки.

- Полно тебе ныть-то! - прикрикнула она на ленивицу. - Ты кончи работу, да тогда и иди себе играть! Срам какой, целый день таскает мешок, дошить не может! Я вот уж дяде скажу, как придет!

Девочка взялась за работу. На щеках ее показались слезы, и все ее смуглое, загорелое личико приняло самое печальное выражение.

- Все ребятишки играют, я одна все сиди, да работай, - заговорила она плаксивым голосом.

- Глупа ты, Аленушка, вот что! - отозвалась старуха более ласковым голосом. - Ты бы то подумала: нет у тебя ни отца, ни матери, живешь ты у дяди, он нас с тобой, старого да малого, кормит, поит; без него нам бы с тобой побираться надо идти, Христовым именем жить! Так как же нам для него не работать, ему не угодить? Слышала, он говорил вечер: "Надо на мельницу ехать, муку привезти, а мешок весь разлезся!" Ну, ты ему и сшей новый, лепешки из муки-то чай будем есть, а?

- Я бы лучше не ела, только бы поиграть теперь, - проговорила девочка и подняла на старуху свои большие, темные глаза с таким умоляющим выражением, что та не устояла.

- Не ела! Как же, знаем мы тебя! - сказала она. - Ну, да уж ладно, что с тобой делать, давай я, может, дошью, еще видят кое-как глаза, поди поиграй.

Девочка бросила работу на лавку, быстро подскочила к старухе, кинулась ей на шею, крепко сжала ее своими худенькими ручонками, нежно поцеловала в сморщенную щеку и, прежде чем та успела сказать еще хоть слово, исчезла из избы.

Старуха, полурассерженная, полудовольная ласковостью ребенка, уселась у окна на место внучки